

От картин мира к цифровому миру?

Д.В.Г. Миронова

*Московский государственный университет имени М.В.
Ломоносова, Москва, Россия*

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению перехода от картин мира в традиционном понимании к новому «цифровому миру», который осуществляется в наше время. Начало статьи даст некоторое представление о понятии «картина мира» в общем виде, его отличии от «мировоззрения» и краткий обзор эволюции картин мира. Раскрыта сущность влияния различных картин мира на представление об общественном устройстве. Вслед за М. Хайдеггером обсуждаются вопросы об особенностях современной картины мира и о том, существует ли у каждой эпохи своя картина мира. Проведен сравнительный анализ картин мира в трактовках М. Хайдеггера и К. Ясперса. Освещены и проанализированы идеи К. Ясперса, в частности о том, что следует учитывать и ориентирование в мире наряду с картиной мира, которая выступает лишь в качестве вспомогательного инструмента, к тому же неполного. Точка зрения Х. Арендт относительно данной проблематики апеллирует к современному восприятию мира через технические средства, отделяющие нас от непосредственного восприятия объективной действительности. Подчеркивается мысль о том, что в итоге мы получаем не образ действительности, природы или вселенной, а лишь самих себя. Вместе с тем современное отношение к действительности характеризуется тем, что цифровые технологии охватывают все новые и новые стороны человеческой жизни. Это приводит к тому, что порой невозможно отличить конструкт от реальной действительности, происходит замена действительности искусственной реальностью. Данные процессы возвращают нас к прежней философской проблеме сознания, в частности к вопросу о наличии или отсутствии сознания у искусственного интеллекта.

Ключевые слова: картина мира, мировоззрение, М. Хайдеггер, К. Ясперс, цифровой мир, искусственный интеллект, сознание.

Миронова Дагмар Вали Герта – кандидат философских наук, доцент кафедры истории и теории политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова.

Для цитирования: Миронова Д.В.Г. От картин мира к цифровому миру? // Философские науки. 2021. № 4. С. 110–121.
DOI: 10.30727/0235-1188-2021-64-4-110-121

From World-Pictures to the Digital World?

D.W.H. Mironowa

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Abstract

The article deals with the transition from world-pictures (images of the world) in the traditional sense to a new “digital world,” which is currently happening. At the beginning of the article, we define the concept of a “world-picture” (*Weltbild*) in its general form, its difference from “worldview” and a brief overview of the evolution of world-pictures. The influence of different images of the world on the idea of social order is revealed. Following M. Heidegger, the article discusses the specifics of the modern image of the world, as well as whether every era develops its own world-picture. A comparative analysis of M. Heidegger’s and K. Jaspers’s ideas of the world picture is carried out. We discuss the idea of Jaspers that, along with the image of the world, we should take into account the orientation in the world because the image of the world is only an auxiliary tool, moreover, an incomplete one. H. Arendt’s point of view on this issue builds a bridge to the modern perception of the world through technical means, separating us from direct perception of objective reality. It emphasizes the idea that, in the end, we do not get an image of reality, nature or the universe, but only of ourselves. At the same time, the modern attitude to reality is characterized by the fact that digital technology involves all new aspects of human life, and as a result, sometimes it is no longer possible to distinguish a construct from material reality, we can observe substitution of reality with artificial reality. These processes bring us back to the old philosophical problem of mind, in particular regarding the presence or absence of mind in artificial intelligence.

Key words: image of the world, worldview, M. Heidegger, K. Jaspers, digital world, artificial intelligence, consciousness.

Dagmar Walli Herta Mironowa – Ph.D. in Philosophy, Associate Professor, Department of History and Theory of Politics, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University.

dagmar@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6103-283X>

For citation: Mironowa D.W.H. (2021) From World-Pictures to the Digital World? *Russian Journal of Philosophical Sciences* = *Filosofskie nauki*. Vol. 64. no. 4, pp. 110–121. DOI: 10.30727/0235-1188-2021-64-4-110-121

Введение

Во все времена философия стремилась к рациональному осмыслению мира, окружающего человека. Результатом данных размышлений стали различные модели описания и объяснения мира, которые часто выступали в виде картин мира. В основе таких моделей лежит представление о том, что познаваемый мир являет собой нечто большее, чем просто сумма его частей. Иными словами, наблюдается превалирование теоретического или познавательного подхода, а не субъективного или практического, поскольку последний выражен в мировоззрении. Из ряда попыток объяснения мира, базирующихся на различных обоснованиях, разной степени общности и различных средствах, человечество получило целый спектр картин мира.

В истории человечества те или иные картины мира главенствовали в течение определенного времени, прежде всего картины мира, основанные на космологических представлениях. Сначала – вавилонская картина мира. Ее сторонники утверждали, что Земля – диск, и над ним возвышается небосвод, на котором прикреплены светила. Землю окружает океан, за пределами небосвода также находится вода. Данную картину мира мы находим и в истории сотворения мира в Ветхом Завете.

Но уже античная философия, прежде всего Аристотель [Аристотель 1981], который пришел к выводу о том, что Земля должна быть шаром, не согласилась с этим мнением, а Птолемей поставил земной шар в центр Вселенной.

Возникшая позднее гелиоцентрическая картина мира отстаивала свои позиции с большим трудом, т.к. не совпадала с господствующим учением. Его в тот период поддерживала католическая церковь. Из истории известно о судьбах людей (среди них – Бруно, Галилей), которые ради познанной ими истины были готовы на огромные личные жертвы.

Кроме того, существовала и картина мира, пытавшаяся объединить обе позиции. В частности, Тихо Браге считал, что Земля стоит в центре Вселенной, но планеты вращаются вокруг Солнца. Конечно, от того, что находится в центре Вселенной, зависит и ответ на вопрос о месте человека в мире. Если Земля – центр Вселенной, то и человек как мыслящее существо, населяющее

ее, имеет выдающуюся роль. Если же Земля – планета среди многих других, то и человек не относится к особенному виду, отличающемуся от животных. С идеей Дж. Бруно о том, что нет центра мира, а все звезды являются отдаленными от нас Солнцами, началось и смещение акцентов в социальной философии. Представление об иерархии, согласно которой в центре (или во главе) находятся дворяне (король), а простой народ – крестьяне и ремесленники – внизу, сменилось представлением о том, что все люди одинаковы.

Нередко появляется мнение, сторонники которого утверждают, что эпоха картин мира ушла в прошлое. Верна ли подобная констатация? Этот вопрос во многом связан и с вопросом о том, чем должна заниматься философия в настоящее время. Ю. Хабермас, выступая в Москве в 2010 году, назвал свое выступление «От картин мира к жизненному миру» [Хабермас 2011]. Он указал на опасность того, что философия распадается на отдельные части, занимающиеся фрагментарной стороной человеческой жизни (языком, действием или познанием), либо осмысливает такие наличные феномены, как культуру, мораль, право, религию и искусство. Хабермас предложил преодолеть подобные сложности в современной философии посредством рассмотрения жизненного мира, отличного от мира картин мира. По сути, картина мира – это наше понимание окружающего мира и нас самих, места, которое мы занимаем в нем, выраженное в понятийном виде. Она помогает нам ориентироваться в мире, поскольку нацелена на то, чтобы отражать мир в целом, а не его фрагмент. В отличие от этого, «жизненный мир не имеет ни значения возвышенного космоса или порядка вещей, ни последовательности времен мира, вытекающих из истории спасения. Жизненный мир не предстает перед нашими глазами, как *теория*, а, напротив, мы находим себя в нем дотеоретически. Он нас захватывает и носит в том смысле, что мы как конечные существа обращаемся с тем, с чем мы сталкиваемся в мире» [Хабермас 2011, 75].

Концепция картины мира у Хайдеггера и Ясперса

Более развернуто раскрывает сущность данной проблемы М. Хайдеггер в своей работе «Время картины мира» [Heidegger 1977]. В ней он ставит вопрос о том, что представляет собой картина мира нашего времени, в чем состоят ее отличительные черты. Сама по себе публикация этой работы в его полном собрании сочинений

вызвала очередную дискуссию о национал-социалистических и антисемитских взглядах автора. В рукописях к его выступлению на данную тему в 1938 году содержатся ярко выраженные антисемитские пассажи, отсутствующие в опубликованном в 1950 году варианте и последующих изданиях. Предлагаем абстрагироваться от политических взглядов Хайдеггера, их эволюции. Остановимся на философской стороне вопроса.

М. Хайдеггер характеризует эпоху Нового времени, выделяя пять основных ее признаков: науку, машинную технику, превращение искусства в выражение жизни людей, рассмотрение человеческой деятельности как культуры, процесс «обезбожения». Сосредоточившись на рассмотрении науки («Если удастся добраться до метафизического основания, обосновывающего науку, как науку Нового времени, то исходя из него можно будет понять и сущность Нового времени вообще» [Heidegger 1977, 77]), которая трансформировалась в исследование и отменила статус «кабинетного ученого», превратив его в исследователя, Хайдеггер обращает внимание именно на комплексный характер процессов рассмотрения бытия. Хотя каждая наука рассматривает ограниченную предметную область и с этой позиции является частной наукой, она становится «предприятием» и может считаться наукой лишь в том случае, если действует в некоторых институционализированных рамках. Неслучайно Хайдеггер в итоге заключает: «...Новое время как следствие освобождения человека привело к субъективизму и индивидуализму. Но столь же несомненно и то, что никакая предшествовавшая эпоха не создала подобного объективизма и что ни в какую прежнюю эпоху неиндивидуальное начало не выступало в образе коллективного. Суть здесь в неизбежных взаимодействиях между субъективизмом и объективизмом» [Heidegger 1977, 88].

Присутствует еще один значимый тезис об изменении сущности человека, который превращается в субъект в декартовском смысле. Если человек становится центром сущего как такового, то должно изменяться и понимание сущего, т.е. картина мира. В этой связи М. Хайдеггер задает вопрос о том, присуща ли каждой эпохе своя картина мира, в чем заключается соответствующая специфика этих картин. Или, может быть, вопрос о картине мира – это вопрос, вытекающий из особенностей мышления или представления эпохи Нового времени? Он поясняет: «Что такое – картина мира? Очевидно, некая картина о мире. Но что тут значит

мир? Что имеется в виду под картиной? Мир здесь выступает как обозначение сущего в целом. Это название не ограничивается космосом, природой. К миру относится также история. Однако, даже природа, история и обе вместе в своем подспудном и навязанном взаимопроникновении не исчерпывают мира. Под этим словом подразумевается и основа мира независимо от того, как мыслится ее отношение к миру» [Heidegger 1977, 89]. Картина мира имеет в виду, что мир понимается, как картина, т.е. сущее в целом понимается как сущее лишь в том случае, если оно создано представляющим и создающим его человеком, т.е. картина мира – воплощение сущностного представления о сущем в целом. «Но везде там, где сущее *не* истолковывается в этом смысле, не может и мир войти в картину, не может быть картины мира. То, что сущее становится сущим в силу своей представленности, делает эру, в которую это происходит, новой по сравнению с прежними» [Heidegger 1977, 90].

Для К. Ясперса вопрос о картине мира прежде всего связан с ориентацией человека в мире, отношением к истине и способности осмысления мира в целом. Он связывает развитие картин мира с развитием науки и культуры, но несколько иначе подходит к данному вопросу. Для него важно то, что любой человек, чтобы удостовериться в самобытии, нуждается в ином, наличном бытии, которое вновь создает его мир, каким бы он не был. Однако, стараясь исследовать окружающий нас мир, мы понимаем, что все, что видим или делаем, только в конкретной бытийной ситуации подтверждает свою действительность. Неслучайно возникает вопрос о существовании одной объективной действительности или истинной картины мира. Ясперс указывает, что мироздание в целом невозможно охватить посредством некоторой картины. Человеческое познание не способно адекватно отразить ни универсум (как «все»), ни как «целое». Человек создает для себя некий образ, некую картину целого, действительности. Ясперс пишет: «Вместо бесконечной суммы сущих вещей и (многочисленных) Я¹ мыслится некое целое, отнесенное на само себя, как *космос*, в некотором предвосхищении, будто его уже знаем. Он, конечно, картина мира, но не картина того одного мира. Действительно мир никогда не замыкается в картине, т.к. он фактически не замкнут

¹ Ясперс говорится об *Ichen*, т.е. об *Ich* («Я») во множественном числе. В русском языке при помощи «Я» эту идею многочисленных «Я» невозможно передать.

в себе, не состоит из себя, и таким образом, в каждом ориентировании в мире, осуществляемом сейчас или в будущем все вновь и вновь окажется разорванным» [Jaspers 1994, 79–80].

Картина мира – вспомогательное средство для того, чтобы человек мог ориентироваться в мире, выстраивать к нему свое отношение, действовать в нем. Поэтому, как полагает Ясперс, следует обратить внимание на конкретное историческое состояние бытия и целостности мира, в котором живет человек. Но оно является лишь частью всего *Dasein*, и даже в этом качестве не формируется как картина, в лучшем случае как «образование». Оно «отчасти биологически ставшее, отчасти планомерно наброшенное и произведенное, отчасти возникшее в связи с планомерным действиями, как незапланированное целое. Познать его можно лишь, разделив его на те отношения, которые есть внутри его самого и с внешним окружением, но в его ядре оно непознаваемо» [Jaspers 1994, 80]. Для ориентирования в мире человек, «Я», должен понимать, что для того, чтобы мир стал «дорогой и основанием моего светлого осознания мира», требуется отказаться от создания картин всякого рода, необходимо любую картину свести к уровню того, что поддается предметному познанию целого.

Индивидуализация картин мира

Помимо картин мира, которые так или иначе были характерны для ряда эпох в истории человечества, во многом определили ценностные представления данных эпох, существует и уровень индивидуального восприятия. В последние несколько лет в связи с дискуссиями о расизме, мультикультурализме, антисемитизме, *Black lives matter* и т.д. в немецкоязычной среде наблюдается обращение к индивидуальному варианту картин мира. Несложно найти много рассуждений о картине мира того или иного ученого либо философа, особенно тех, кого обвиняют в расизме, например, И. Канта или Х. Арндт. По сути, происходит смешение понятий «картина мира» и «мировоззрение», хотя четкое их разведение затруднительно. Часто понятия идеологии и мировоззрения или картины мира употребляют в качестве синонимов.

Итак, улицу на юге Лейпцига активисты предложили назвать женской фамилией вместо мужской: именем Ханны Арндт вместо имени писателя Эрнста Морица Арндта (1769–1860). Он известен активной позицией в период войн против Наполеона, писал патриотические стихи. Помимо этого, был историком и де-

путатом Франкфуртского национального собрания. Но, поскольку ему приписывают антисемитизм, улицу решили переименовать. В статье, посвященной данному событию, можно прочесть следующее: «...у Ханны Арендт была расистская картина мира» [Prüwer 2020]. Х. Арендт обращается к вопросу о картине мира под углом зрения различных ролей, которые в этом процессе играли наука и философия, размышляя о последствиях изобретения телескопа. В частности, она выделяет роль философии как «школы недоверия» (Ницше), всегда сомневающейся. Х. Арендт отмечает: «Картина мира современной физики, начала которой можно проследить до Галилея и которая возникла благодаря тому, что способность чувственного аппарата человека сообщать о действительности была поставлена под вопрос, показывает нам в итоге вселенную, о которой мы знаем лишь, что она известным образом аффицирует наши мерительные инструменты; и то, что мы в состоянии считывать с наших аппаратов, говорит о свойствах действительности, по образному выражению Эддингтона, не больше, чем телефонный номер сообщает о том, кто берет трубку... Иначе говоря, вместо объективных свойств мы оказываемся перед лицом построенных нами аппаратов, а вместо природы или вселенной мы встречаем “известным образом всегда только себя самих”» [Арендт 2017, 327–328]. Вопрос об опосредствовании нашего отношения к действительности аппаратными и иными техническими познавательными средствами в настоящее время видится особенно острым.

Если, таким образом, мы говорим о конце эпохи картин мира, то либо признаем, что уже не обращаем взор на бытие в целом, либо, что не ищем метафизического основания сущего, либо, что перешли в другую эпоху, либо, что изменилась роль субъекта в этих процессах. Отношение современного человека к миру уже не строится на базе исследовательского подхода к миру в его действительности, а коренится в большей степени в образах мира, которые создаются на основе современных технологий. Мировосприятие выступает не столько в качестве восприятия реальности (действительность всегда только одна, а возможных представлений может быть много), сколько в качестве восприятия цифровых конструкторов, совмещающих реальность. Их может быть большое количество. С этой точки зрения платоновский образ пещеры вновь обретает большую актуальность. Описанная В.В. Мироновым «цифровая пещера Платона» [Миронов 2019] не

такое безобидное явление, как может показаться на первый взгляд. Если мы воспринимаем лишь «тени» явлений, то и рассуждаем на базе своих восприятий, кладем их в основу своих решений, и чаще создается впечатление, что живем не в реальном мире, а в компьютерной игре. В ней, как известно, неверный ход можно либо сразу исправить, либо игроку дают новую жизнь, в которой можно избежать прежних неверных действий.

Кроме того, цифровые варианты действительности и искусственный интеллект все больше определяют нашу жизнь. Возникает множество алгоритмов, согласно которым мы совершаем действия в реальности, в том числе от смешных рекомендаций по уборке квартиры («представьте себе уборку, как компьютерную игру: рассортировали белье – прошли первый уровень, пропылесосили – прошли второй, бонус – перестелить постель») до принятия решения в политике. Ситуация становится уже не смешной, если политика ориентируется, например, на компьютерные симуляции эпидемических процессов и их развития, построенных на не всегда качественных данных, выводит решения относительно жизнедеятельности общества (за редким исключением – мира) и каждого человека. Данные процессы еще в 90-е годы прошлого века описаны Ж.Бодрийяром, когда он ввел понятие гиперреальности, состоящей из симулякров. Симулякры проходят три порядка, три эры: имитацию, производство и симуляцию. Последняя эра – это время, в котором мы живем, когда, по его мнению, все больше утрачивается возможность различать знак и действительность. Знаки (симулякры) отделились от обозначаемого, стали самоцелью для поддержания общественной системы и ее упорядоченности. В итоге знаки симулируют искусственную реальность, но перестают отображать мир в действительности.

Заключение

Таким образом, картины мира, как сущностное понятийное отображение действительности сущего, как попытки отражения мира в целом, уходят на задний план, уступая пространство симулятивным моделям, которые претендуют на то, чтобы быть полноценными и истинностными изображениями реальности. При этом не учитывается, что полученная тем самым реальность сконструирована: в качестве примера можно рассматривать социальные сети. В них по тому или иному вопросу у каждого пользователя в ленте будет отражена не полная информация о со-

циальной или политической жизни, не моменты, которые являются составляющими, возможно, сущностными для определенного события, а фрагменты, находящиеся в поле его внимания, даже если они не имеют отношения к сути явления.

Нельзя не учитывать, что «поле нашего внимания» определяется не нами самими. Соответствующую задачу берет на себя некий алгоритм или искусственный интеллект с учетом наших предыдущих действий на данных площадках. Это можно было бы считать безобидным явлением, если принять во внимание, что мы смотрим публикации на какие-то темы, и они нам просто «помогают» найти другие публикации в интересующем направлении. Однако именно такого рода отбор сужает поле зрения и создает впечатление, что по данному вопросу превалирует определенный подход. Нам уже не приходится выбирать между разными вариантами и точками зрения, т.к. за нас уже решили, что нам интересно, а что не интересно. Тем самым открыт широкий простор для манипуляции сознанием, создан параллельный мир, в котором мы живем и который воспринимаем в качестве подлинного. В итоге возникает глубокий кризис реальности, рождается представление о мире в духе песни из сериала «Пеппи Длинныйчулок»:

Дважды три четыре,
Видеовидеитт и три будет девять,
Я сделаю себе мир,
Видеовиде как он мне нравится [Габриэль 2020, 213].

Проблемы философии искусственного интеллекта, которые сегодня становятся особенно актуальны, существуют не с момента возникновения социальных сетей или компьютеров, а гораздо раньше. Еще в XVII веке Декарт задал вопрос о том, как отличать человека от робота, т.е. размышлял об автоматах, указывая на то, что верить своим органам чувств опасно. Если мы видим лишь «шляпы и плащи», которые перемещаются перед нами, то не можем определить, кто это – люди или роботы. Только способность суждения дает нам возможность решить этот вопрос [Декарт 1994, 27].

По сути, осмысливая вопрос об искусственном интеллекте, мы возвращаемся к одной из старейших философских проблем – проблеме сознания. Вопрос о том, каким сознанием обладает робот, пусть самый человекообразный, не является праздным.

Робот способен, например, дать правильное сообщение о некоторых предметах, о том, что он видит ряд предметов, обладающих определенными свойствами. Вместе с тем он не переживает квалиа, хотя может передать точные сообщения о нем. Сознание – комбинация интенциональных и феноменальных элементов или, как отмечает М. Габриэль, «что нас отличает, так это то, что мы не только... ко всему подходим логично и неэмоционально. Наши чувства отчасти иррациональны и к ним относятся не только порицаемые страхи, но и способность влюбляться» [Габриэль 2020, 108]. От этой и многих других способностей не хотелось бы отказываться в угоду оптимизации и введения алгоритмов на все случаи жизни, поскольку именно они делают жизнь человека прекрасной.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Арендт 2017 – *Арендт Х. Vita Activa, или О деятельной жизни* / пер. с нем. и англ. В.В. Бибикина. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2017.

Аристотель 1981 – *Аристотель. О небе* // *Аристотель. Сочинения*: в 4 т. Т. 3. – М.: Мысль, 1981. С. 263–378.

Габриэль 2020 – *Габриэль М. Я не есть мозг. Философия духа для XXI века* / пер. с нем. Д. Мироновой. – М.: URSS, 2020.

Декарт 1994 – *Декарт Р. Размышления о первой философии* // *Декарт Р. Сочинения*: в 2 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1994. С. 3–73.

Миронов 2019 – *Миронов В.В. Платон и современная пещера big-data* // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2019. Т. 35. Вып. 1. С. 4–24.

Хабермас 2011 – *Хабермас Ю. От картин мира к жизненному миру* / пер. с нем. Д. Мироновой. – М.: Идея-Пресс, 2011.

Heidegger 1977 – *Heidegger M. Die Zeit des Weltbildes* // *Heidegger M. Gesamtausgabe. I. Abteilung: Veröffentlichte Schriften 1914–1970. Bd. 5: Holzwege.* – Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1977. S. 75–113.

Jaspers 1994 – *Jaspers K. Philosophie I. Philosophische Weltorientierung.* – München; Zürich: Piper 1994.

Prüwer 2020 – *Prüwer T. Benennt die Hannah-Arendt-Straße um!* // Kreuzer online. 2020. 2 März. – URL: <https://kreuzer-leipzig.de/2020/03/02/benennt-die-hannah-arendt-strasse-um/>

REFERENCES

Arendt H. (1958) *The Human Condition*. Chicago: University of Chicago Press (Russian translation: Moscow: Ad Marginem Press, 2017).

Aristotle (1981) On the Heavens. In: Aristotle. *Works in 4 Vols.* (Vol. 3, pp. 263–378). Moscow: Mysl' (in Russian).

Gabriel M. (2015) *Ich ist nicht Gehirn: Philosophie des Geistes für das 21. Jahrhundert.* Berlin: Ullstein Buchverlage (Russian translation: Moscow: URSS, 2020).

Descartes R. (1994) Meditations on First Philosophy. In: Descartes R. *Collected Works in 2 Vols.* (Vol. 2, pp. 7–73). Moscow: Mysl' (in Russian).

Habermas J. (2011) *From World-Pictures to the Lifeworld* (D. Mironowa, Trans.). M., Ideya-Press (in Russian).

Heidegger M. (1977) Die Zeit des Weltbildes. In: Heidegger M. *Gesamtausgabe. I. Abteilung: Veröffentlichte Schriften 1914–1970. Bd. 5: Holzwege* (pp. 75–113). Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann (in German).

Jaspers K. (1994) *Philosophie I. Philosophische Weltorientierung.* München; Zürich: Piper 1994 (in German).

Mironov V.V. (2019) Plato and the Modern Cave of Big Data. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies.* Vol. 35, no. 1, pp. 4–24 (in Russian).

Prüwer T. (2020, March 2) Benennt die Hannah-Arendt-Straße um! *Kreuzer online.* Retrieved from <https://kreuzer-leipzig.de/2020/03/02/benennt-die-hannah-arendt-strasse-um/> (in German).